

Доктор Роберт А. Петерсон, Христология, Сессия 4, Патристическая христология, Часть 3, Развитие, Ложные пути, Аполлинарианство и несторианство

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт Петерсон и его учение о христологии. Это сессия 4, Патристическая христология, часть 3, Развитие, ложные пути, аполлинарианство и несторианство.

Мы продолжаем наше рассмотрение Патристической христологии, поскольку мы все ближе подходим к Халкидонскому собору, ясно думая о предмете, личности Воплощения.

С обсуждением тринитариев связан вопрос о субъекте Воплощения. Учитывая различие между природой и личностью, нам нужно задать вопрос, кто именно воплотился? Кто является субъектом Воплощения? Писание ясно говорит: Слово стало плотью, Иоанна 1:14. Воплотилась личность Сына. Из этого утверждения следуют два важных момента.

Во-первых, в Воплощении не божественная природа стала плотью или приняла человеческую природу, как если бы природы действовали как личные субъекты. Также не Отец и не Дух стали плотью. Вместо этого, это был Бог Сын, второе лицо Божества, который стал плотью.

До Воплощения Сын, от вечности, вместе с Отцом и Духом, в равной степени разделял, обладал и существовал в единой божественной природе, и таким образом жил в совершенном общении и любви, взаимно пребывая друг в друге. Именно по этой причине Отец, Сын и Дух являются полностью и в равной степени Богом, хотя, как личности, они неустранимо различимы, факт, продемонстрированный Воплощением. Во-вторых, утверждение, что субъектом Воплощения является личность Сына, не просто говорит, что Сын является одной личностью, обладающей двумя природами, как бы верно это ни было.

Скорее, это утверждение, что в центре бытия Христа находится личность Сына, живущего на земле как человек. Это утверждение противоречит тем в ранней церкви, которые думали о Христе больше как о человеке, в котором пребывал Бог Сын. Воплощение — это личный акт божественного Сына, который сознательно, добровольно и жертвенно решил принять облик слуги и сделать себя нищим в послушании воле Отца и ради нашего спасения.

Филиппийцам 2:7, 2 Коринфянам 8:9. Кроме того, мы должны также подтвердить, что Сын продолжал быть тем, кем он всегда был как Бог Сын. Его личность не изменилась, и он не изменился, перестав обладать всеми божественными атрибутами и выполнять и осуществлять все свои божественные функции и прерогативы. Однако теперь, принимая человеческую природу в личностный союз, он способен жить полноценной человеческой жизнью и вступать в совершенно новый спектр переживаний и отношений.

Сын, как личный субъект Воплощения, теперь способен переживать жизнь в человеческом теле и в человеческой душе. Он испытывает человеческую боль и человеческие искушения и даже вкушает смерть. Опять же, как отмечает Маклеод, до и помимо Воплощения Бог знал такие вещи посредством наблюдения.

Но наблюдение, даже если это наблюдение всеведения, не дотягивает до личного опыта. Таким образом, это то, что Воплощение сделало возможным для Бога, реальный личный опыт человеческого бытия. Из этого следует, что младенец, зачатый Святым Духом в Марии, который родился, который возрастал в премудрости и возрасте и в любви у Бога в людях, Лука 2.52, был той же божественной личностью, которая вечно была Сыном по отношению к Отцу и Духу.

Воплощенный был не просто человеком, в котором обитал Бог, или даже человеком, наделенным уникальной силой Духа Божьего. Вместо этого Иисус из Назарета — это Бог Сын, живущий лично на земле и испытывающий, что значит быть человеком, для нас и для нашего спасения. Фактически, Церковь настаивала на этом, потому что именно этому учит Писание, и именно такой Искупитель нам нужен.

Нам нужен Спаситель, который является человеком, чтобы представлять нас. Но более того, нам нужен Господь, который придет и спасет. Спасение от Господа, и если Господь не придет, не пострадает и не умрет на кресте, то Его смерть не будет иметь никакой силы или эффективности для осуществления нашего спасения.

И Сын, как вторая личность Божества, сделал это, взяв человеческую природу со всем спектром ее способностей в Свою собственную божественную личность, наряду с божественной природой, которой Он обладал вечно. Фейрберн передает этот акцент своим утверждением, что основополагающее утверждение ранней Церкви состояло в том, что единственная личность, которая есть Иисус Христос, — это Бог Сын. Именно Бог Сын как личность, а не просто божественная природа, сошел с небес.

Именно Бог Сын как личность объединил человечество с Собой, а не две природы, объединенные для создания новой личности. Это становится возможным благодаря тому, что личность Сына, обладающая божественной природой, способна действовать в обеих природах и через них. До Воплощения Сын действовал в божественной природе и через нее вместе с Отцом и Духом.

Но теперь, в результате личного действия Сына в послушании Своему Отцу и посредством Духа, Он также способен действовать в Своей человеческой природе и через нее. Такое понимание предполагает, что природа, будь то божественная или человеческая, состоит из атрибутов, характеристик или способностей, которые делают ее тем, что она есть. Оно также предполагает, что природы никогда не существуют сами по себе.

Они всегда имеют лицо, в котором обитает природа. В этом случае, в случае Воплощения, Фейрберн вместе с Церковью пришел к следующему выводу, и я цитирую: Бог Сын, один из трех и единственных лиц, обладающих божественной природой, добавил к Своему собственному лицу полную человеческую природу, полный набор характеристик и компонентов, которые делают человека человеком. Таким образом, одно и то же лицо, второе лицо Троицы, было и божественным, и человеческим.

Он был божественным, потому что от вечности Он обладал божественной природой. После Воплощения Он был также человеком, потому что Он принял на Себя плоть, то есть все характеристики, которые определяют человека как человека. Поскольку этот же человек, которого мы теперь называем Иисусом Христом, был и божественным, и человеческим, Он мог жить на двух уровнях одновременно.

Он продолжал жить на божественном уровне, как Он делал это от вечности, разделяя общение с Отцом, поддерживая вселенную, см. Колоссянам 1:17, и все, что делает Бог. Но теперь Он начал жить на человеческом уровне в то же время, будучи зачатым и рожденным как младенец, рос в Назарете, изучая Священное Писание, как любой другой еврейский мальчик, становясь голодным, жаждущим и уставшим, и даже умирающим, близкая цитата. Знаменитая книга Фейрберна, *Жизнь в Троице*, страницы 143 и 44.

Очевидно, это утверждение поднимает ряд законных, но сложных вопросов относительно Воплощенного Сына. На протяжении всей истории Церкви, будь то арианство или другие еретические взгляды, и особенно со времен Просвещения, одним из преимуществ неправославных христологий была их поверхностная способность объяснять, в кавычках, области тайны. Например, в кеноникизме 19-го века большая часть его привлекательности в том, что он может лучше объяснить психологию Воплощенного Сына, была его решением

отрицать, что опытное знание Воплощенного Сына действовало на двух уровнях одновременно.

Вместо этого он утверждал, что опытное знание Иисуса было просто человеческим, поскольку Он отбросил Свои божественные атрибуты, став человеком. Проблема, однако, в том, что это объяснение сдало библейское учение и утверждение Церкви о том, что Воплощенный Сын мог жить одновременно божественной и человеческой жизнью из-за обладания двумя природами. Они решили проблему, создав большую проблему.

Позже, в период Реформации, утверждение Церкви о том, что Сын мог жить на двух уровнях одновременно, стало известно как *extra calvinisticum*. Этот термин на самом деле является лютеранской атакой на реформатскую теологию. Это латинское *extra* или снаружи или без.

Calvinisticum — латинское слово, означающее кальвинистский. Это кальвинистское дополнение или внешняя сторона, учение о том, что второе лицо Троицы полностью воплотилось в Иисусе из Назарета, но поскольку Он — член Троицы, а Троица не стала благородством, когда Сын стал человеком, Сын также остался полностью вне или без Воплощения. Второе лицо, полностью воплощённое, второе лицо осталось снаружи.

В противном случае Троица взорвалась, и это невозможно. Как объясняет Э. Дэвид Уиллис цитата, так называемый *extra calvinisticum* учит, что Вечный Сын Божий, даже после Воплощения, был объединен с человеческой природой, чтобы сформировать одну личность, но не был ограничен плотью закрыть цитата. Но важно отметить, что *extra* не был новым для Кальвина.

Это было то, что Церковь всегда утверждала, учитывая, что субъектом обеих природ была личность Сына. Вот почему Уиллис справедливо утверждает, что *extra* Кальвина следует называть *extra catholicum*, католическим *extra*, то есть вселенской Церковью, или *extra patristicum*, патристическим *extra*, потому что это было учением Отцов. Церковь всегда считала необходимым признать, что, поскольку субъектом Воплощения является Бог Сын, наш Господь Иисус, даже в состоянии унижения, продолжал жить, действовать и переживать как Бог и человек.

Человек, способный делать и то, и другое, один и тот же до и после Воплощения. Знаете, однако, в послушании Отцу и в опоре на Духа, Сын продолжал осуществлять свои божественные прерогативы, как Отец позволил и в соответствии с этой мессианской миссией, при этом живя полностью человеческой жизнью как наш новый глава завета. Действительно таинственно, но это необходимо признать.

Была ли Троица сокращена навсегда? Нет, это невозможно. Троица — это Бог, и все же Сын действительно воплощен? О да, полностью воплощен, полностью экстра. У Отцов было две разные версии Воплощения.

Слово человек христология, вечное слово, Сын, второе лицо, принимает на себя полную человеческую природу, тело и душу. В слове плоть христология Сын принимает на себя только человеческое тело без человеческой души. Я хочу всегда говорить с уважением о народе Божьем и народе Божьем; недавно один друг хорошо сказал, когда он сказал, я никогда не думал об этом раньше.

И я хотел сказать в ответ, что нет, но это нормально. Я никогда раньше не думал, что у Иисуса была человеческая душа или дух. Я хотел сказать, ну, пока ты не отрицаешь этого, с тобой все в порядке.

Не знать чего-то — это нормально. Отрицать то же самое — не всегда нормально. По пути в Халкидон церковь также должна была бороться с природой человеческой природы Христа.

Одним из нерешенных вопросов Никейского собора было то, была ли у Христа человеческая душа и, таким образом, полная человеческая природа. Уолтер Тойин и другие уже настаивали на существовании души Христа, на существовании души Христа. Арий отрицал ее реальность и утверждал о некоей составной природе Христа.

Даже ярые защитники никейской ортодоксии, такие как Афанасий, не были полностью ясны в этом вопросе. Он, кажется, учил, что да, у Иисуса была человеческая душа, в отличие от Аполлинария, который говорил, что логос занял место души Иисуса. Следовательно, у Иисуса была неполная человечность.

Нет, Афанасий сказал, что у него это есть, но, похоже, он не действовал. Это не действовало. Так что он православный, и все же это не полное слово человека христологии.

Например, в опровержении Афанасием арианства он не делает никаких различий, не упоминает человеческую душу Иисуса и, кажется, думает о воплощении как о сыне, принимающем человеческое тело, но не душу. Это одна из причин, по которой он приписывает духовные качества Христа логосу, тогда как его страсти приписываются его телу. Однако после спора с Аполлинарием церковь тщательно настаивала на том, что сын в воплощении принял человеческое тело и душу, и я понимаю, что Афанасий сделал то же самое, хотя человеческая душа не сделала многого.

Опять же, он в пределах ортодоксальности, но он не хочет утверждать полную христологию Бога-слова-человека. Он это сделал. Это слово человек, но слово человек не является действительно действенным в терминах душевного аспекта человека.

В ранней церкви, в общем, существовало два способа мышления о человеческой природе Христа — слово *logos* человек против слова *logos* плоть. В споре с Арианами, а позднее с Аполлинарием, церковь настаивала на том, что для объяснения библейского учения необходим взгляд на слово-человека.

Необходимость в христологии человека слова была особенно очевидна в постхалкидонской дискуссии относительно вопроса воли, как это было представлено настойчивым утверждением церкви, что воплощенный сын имел две воли. Взгляд человека слова, диофелитизм, против взгляда, что у него была одна воля, монофелитизм, взгляд плоти слова. Мы хотим различить эти различные взгляды и подчеркнуть их значение для возникновения ортодоксальной христологии.

Различие между христологиями слова «человек» и слова «плоть» возникло, как утверждает Фейрберн, «из-за различных способов опровержения теологического вызова арианства, которое утверждало, что, поскольку Бог-сын страдал и умер, он должен был быть проходимым, а не непроходимым, и, следовательно, меньшим, чем Отец». В ответ антиохийцы, теологи в Антиохии, утверждали, что тот, кто страдал и умер, не был Богом-Сыном, и, таким образом, они все еще могли утверждать, что Бог-Сын был непроходимым и равным Отцу.

Но как отмечает Фейрберн, цитата, это привело их к христологии, которая отделила логос от человека Иисуса и понимала спасение как человеческий марш, следующий за Иисусом от того, что Феодор называл первым веком, веком несовершенства и, извините, морали, ко второму веку, называемому совершенной человеческой жизнью, близкая цитата. Именно по этой причине антиохийцы были склонны читать Ветхий Завет более буквально, но именно их общая теология породила такого рода интерпретацию, а не какое-то конкретное желание воспринимать историю более серьезно. Напротив, александрийский взгляд опроверг арианство, утверждая, что страдала личность сына, но он страдал в своей человеческой природе, а не в своей божественной природе, таким образом используя решающее различие между природой и личностью.

Это привело их к иной христологии, которая важна для православного взгляда на церковь, а именно, что Бог Сын был активным субъектом в каждой точке нашего спасения, в отношениях с Отцом и духом, в его воплощении, жизни, смерти, воскресении, вознесении и т. д. Таким образом, александрийская экзегеза текста, описывающего Христа, как отмечает Фейрберн, цитата,

приписывала все его действия и переживания самому логосу, но разделяла между тем, что делал логос, что соответствовало его человеческой природе, и тем, что делал он, что соответствовало его недавно принятому человеческому образу жизни. Антиохийцы, особенно Несторий, имели дело с теми же отрывками, приписывая некоторые действия логосу, а другие — человеку Иисусу, закрытая цитата.

Вывод таков: различия между этими школами больше связаны с различными теологиями о Христе и спасении в их ответе на арианство, чем с различными акцентами в экзегезе. Мы не должны думать о двух различных хорошо развитых школах, а скорее, мы должны думать о двух различных подходах к теологии, спасению и христологии. Если мы вспомним антиохийских мыслителей, особенно трех основных личностей, Феодора Тарсийского, Феодора Мопсуэстийского и Нестория, которые все были осуждены церковью, мы должны рассматривать их христологию как неортодоксальную.

Как отмечает Фейрберн, все три этих мыслителя, цитата, рассматривали Христа отдельно и, таким образом, делали акцент на предполагаемом человеке, а не на божественном логосе, близкая цитата. Поэтому в нашем обсуждении слова-человека против слова-плоти мы не будем связывать эти взгляды с различными школами. Вместо этого мы свяжем их с центральным вопросом о природе человечества Христа.

С этой оговоркой давайте теперь опишем эти два подхода. Что же такое точка зрения «слово-плоть» и ее последствия для понимания человечности Христа? Точка зрения такова: в Воплощении Сын, логос, заменяет человеческую душу и вступает в союз с человеческим телом, чтобы сформировать человеческое существо. Но важно отметить, что то, что теряется, — это полная человечность Христа.

Почему так? Обычно церковь отождествляется с человеческой душой, всей человеческой психологией, которая включает разум, волю, интеллект, эмоции и т. д. Но без человеческой души во Христе или даже замены ее Сыном, взгляд на слово-плоть подрывает полную человечность Христа и с трудом объясняет, как Воплощенный Сын мог испытывать весь спектр человеческих эмоций и переживаний; извините, и отношения, наиболее существенно действовать как наш Искупитель. Кроме того, подходы на слово-плоть имели тенденцию либо поддерживать одну природу взглядов Христа, монофизитство, либо некую смешанную природу вместо двух природ.

Напротив, точка зрения человека-слова настаивает на том, что в Воплощении Божественный Сын принял полную человеческую природу, тело и душу, и, таким образом, полную человеческую психологию, включая всю деятельность познания и воления, основываясь на различии природы и личности. Эта точка

зрения утверждала, что личность является субъектом своей природы, что личность является субъектом своей природы, который действует в своей природе и через нее. Таким образом, с точки зрения христологии, личность Сына, учитывая, что он принял полную человеческую природу, теперь способна жить полноценной человеческой жизнью, наряду с тем, как он также жил в отношениях с Отцом и Духом.

Но чтобы прожить человеческую жизнь, Сыну нужно было больше, чем просто тело или плоть. Ему также нужна была человеческая душа, чтобы желать, действовать и переживать как человек. По мере того, как Церковь шла по дороге к Халкидону, ее понимание человечности Христа становилось более точным, принимая взгляд «слово-человек».

Писание ясно настаивает на полной человечности Христа, и Церковь знала, что она не может объяснить это учение, если не будет принята точка зрения слова-человека. В конечном счете, Церковь знала, что на карту поставлено спасение. Если Сын лично не принял нашу полную человеческую природу и не жил и не умер вместо нас как человек Христос Иисус, как он мог искупить нас? Кроме того, как подчеркивалось в точке зрения слова-человека, Христу было недостаточно иметь одну природу или две неполные природы.

Он, как Божественный Сын, нуждался в двух природах, тем самым объясняя, как он является полностью Богом и полностью человеком одновременно. С этими теологическими разработками давайте теперь обратимся к трем ересям, возникшим в годы между Никеей и Халкидоном, что привело к дальнейшей христологической ясности. В ответе Церкви на эти ереси мы снова обнаруживаем положительную сторону ереси.

Большая ясность и точность в Церкви борется с чудом и славой Воплощения. Мы не имеем в виду, что ереси сами по себе положительны, но Бог вел Церковь в спорном богословии, и он заставляет Церковь искать, понимать, исповедовать и распространять истину, чтобы победить заблуждение. От Никее до Халкидона, ложные христологические пути.

После установления тринитарного православия появилась дополнительная христологическая ясность, которая в конечном итоге привела к халкидонскому определению, заявлению Халкидонского собора и окончательному христологическому утверждению. В частности, была достигнута большая точность в различии личности и природы, природы человечества Христа и единства его личности, поскольку были отвергнуты три ложных взгляда на Христа. Давайте обдумаем это развитие, сначала увидев, что отвергла Церковь, прежде чем вернуться к позитивной формулировке Халкидона.

Аполлинарианство. Аполлинарианство — это взгляд, приписываемый Аполлинарию, епископу Лаодикийскому, 315-392, который был ярким защитником божественности Христа, добра, и Никейского православия, добра. Он был очень хорошим другом Афанасия, добра, но, учитывая его абберантные христологические взгляды, особенно в его понимании человеческой природы Христа, Афанасий и три каппадокийских теолога позже выступили против него, к сожалению, добра.

Его взгляд был отвергнут несколькими церковными соборами, включая Александрийский собор 362 года и, что наиболее важно, Константинопольский собор 381 года. Взгляд Аполлинария представлял собой классическое понимание Воплощения как слова-плоти, а не слова-человека. Он утверждал, что Бог Сын был единосущен Богу Отцу, таким образом, полностью Бог, однако в Воплощении Сын принял на себя неполную человеческую природу, человеческое тело, плоть, но не человеческую душу.

Он стремился избежать идеи, что Воплощение было просто пребыванием Бога в человеке. Вместо этого, как отмечает Гриллмейер, для Аполлинария Воплощение происходит только в том случае, если божественная пневма, слюна, и земной *sarx*, плоть, вместе образуют существенное единство таким образом, что человек во Христе сначала становится человеком через союз этих двух компонентов. Другими словами, во Христе существует существенный союз одного небесного элемента, логоса, и одного земного элемента, человеческого тела.

Конечно, части Богочеловека, Христа, не эквивалентны. Как объясняет Гриллмайер, цитата, божественная пневма, дух, сохраняет свое превосходство повсюду. Она становится животворящим духом, действенным двигателем плотской природы, и вместе они образуют единство жизни и бытия, близкая цитата, с божественной пневмой, или логосом, тем, что направляет и заряжает плоть, подобно схеме формы и материи Аристотеля.

Конечный результат заключается в том, что Христос стал, имеет одну природу, *μία φύσις*, а не два, составное единство, живое единство божественного логоса и человеческой плоти, которое образует самоопределяющуюся личность, которую мы знаем как Иисуса из Назарета. Для Аполлинария, учитывая это составное единство и единый взгляд на природу Воплощения, во Христе есть реальный обмен атрибутами. Мы рассмотрим это позже.

Обмен атрибутами, общение *idiomatum*, некое сочетание божественности и человечности, так что Христос является полностью Богом и полностью человеком, не в истинном смысле природы, когда лицо солнца существует в обеих природах, но в смысле составной единой природы, или как говорит Гриллмейер называет естественным единством. Церковь решительно отвергла

эту точку зрения, прежде всего по социологическим причинам. Христос не может представлять и искупить нас, если он не примет на себя полную человеческую природу.

Григорий Назианзин хорошо изложил позицию церкви в своем знаменитом высказывании: то, что не предполагается, не исцеляется. То, что не предполагается, не исцеляется. Спас ли он только наши тела или он пришел, чтобы спасти наше тело и душу? Для Христа служить в качестве представителя главы завета и заместителя, он должен принять на себя полную человеческую природу, тело и душу.

В противном случае наше искупление неполное. Отвергнув эту точку зрения, церковь провела черту на песке. Для сотериологии необходима правильная христология.

Чтобы иметь искупителя, который действительно искупает, он должен быть полностью Богом и полностью человеком. Личность и дело Христа неразрывно связаны. Он воплотился, чтобы спасти свой народ от грехов.

Вот в чем причина. Более того, в отвержении церковью аполлинарианства вновь всплыли три важных вопроса. Во-первых, поскольку церковь тщательно различала личность и природу в тринитарной теологии, она также имела отношение к христологии и отстаивала две природы в одном Христе, а не одну.

Во-вторых, церковь отвергла христологию слова и плоти как неадекватную, тем самым подтвердив реальность человеческой души Христа, которая включает в себя человеческую волю, разум и психологию. В-третьих, церковь настаивала на том, что единый активный субъект личности Христа является божественным сыном, который добавил к себе полную человечность, и, таким образом, личность не является составным союзом, созданным путем объединения логоса и человеческой плоти, и не является, как позже утверждал Несторий, соединением или союзом двух личностных существ. Вместо этого активный субъект является вечным сыном, который принял человеческую природу со всеми ее способностями, тем самым позволяя ему жить полностью человеческой и божественной жизнью.

Несторианство. Несторианство отождествляется, как вы уже догадались, с Несторием (381–451), архиепископом Константинополя с 428 по 431 год, осужденным на Эфесском соборе в 431 году. Существует обоснованный спор о том, был ли сам Несторий несторианином, и нет сомнений, что спор между Несторием и Кириллом Александрийским, выдвинувшим против него обвинения, был очень жарким.

В дальнейшем мы предположим, что Несторий придерживался того, что называется несторианством. Это очень спорно, и меня учили, что Несторий не является несторианином, поэтому я оставляю это как предмет для обсуждения, и я уступлю большему знанию этих вещей и скажу, что, возможно, следует склониться в сторону того, чтобы сказать, что он был, в конце концов, несторианином. Несторианство часто отождествляют с подходом к христологии «слово-человек», однако оно барахтается в вопросе единства личности Христа.

Итак, удерживание слова "человек" не обязательно означает, что вы все правильно поняли. Так же, как в гностицизме, удерживание божественного сына, который спускается вниз, а не полностью вниз, начиная с божественного сына, не делает вашу христологию правильной. Это сложнее.

Это божественный сын, который действительно воплощается. Это устраняет докетизм. В этом случае слово-человек прав, а не просто слово-плоть, но этого недостаточно.

Это слово-человек в одном лице с двумя природами, а не в двух лицах или что-то в этом роде. Забота Нестория, следуя за своим учителем Феодором Мопсуэстийским, заключалась в том, чтобы подчеркнуть полную человечность Христа, *contra Apollinarius*, и, таким образом, полную божественность и человечность Христа в двух природах. Хорошо? Хорошо.

Однако, подчеркивая две природы Христа, он оставил необъясненной личность Христа и то, как две природы объединены в нем. Говоря о союзе личности, *prosopon*, он понимал его как составной союз, но не так, как учил Аполлинарий, а именно как соединение божественной и человеческой природы для создания *prosopon* Христа. Вместо этого, как объясняет Фейрберн, Несторий рассматривал его как составной союз, который состоял из соединения или объединения двух личных субъектов.

Нет, нет, нет. Личность находится в самом Сыне, логосе и человеке, двух личных субъектах, логосе и человеке, так что их можно назвать единым просопоном, отсюда и обвинение в обучении двум личностям во Христе. Фред Сандерс улавливает взгляд Нестория на личность Христа.

У Фреда Сандерса есть действительно хорошие, основательные, понятные книги о Троице, которые я рекомендую людям Господа. Фред Сандерс передает взгляд Нестория на личность Христа таким образом. Единственная личность, которая есть Иисус Христос, кажется, для Нестория является результатом воплощения или способом говорить о том, что эти две совершенно разные сущности, Бог Сын и человек Иисус, делают вместе, делают вместе.

Таким образом, во Христе есть личный союз, но это личный союз составного характера с акцентом на личном субъекте Христа как предполагаемого человека. Фейрберн иллюстрирует точку зрения Нестория, сравнивая ее с фирмой, состоящей из двух партнеров, один из которых никогда не виден, но чье влияние постоянно ощущается во всех решениях фирмы. Видимый партнер аналогичен человеку Иисусу, однако логос — это тот, кто стоит за ним.

Такие слова, как Христос, Сын и Господь, относятся к корпоративному единству, созданному сотрудничеством между ними двумя. Единство является семантическим, поскольку тот, кого называют Христом, обозначает пару партнеров, но фактический личный центр бытия Христа, таким образом, понимается как сам человек Иисус. Несторий затем выражает единство во Христе, но только во внешнем проявлении.

Вот почему личность союза, как отмечает Баторелос, цитата, означала просто внешнее единство божественного и человеческого во Христе, близкая цитата. За взглядом Нестория, как и его учителя Феодора, стоит иная концепция спасения и благодати. Фейрберн характеризует их взгляд на спасение как двухактную диспенсациональную схему, не имеющую ничего общего с диспенсационализмом, как мы его понимаем.

Цитата, не цитата, я просто суммирую естественный вывод человечества, я пока не цитирую Фейрберна; естественное состояние человечества было смертностью, изменчивостью и несовершенством, первый акт или стадия, а спасение — это движение к радикально иному состоянию бессмертия, нетления и совершенства, второй акт или стадия. Описывая первый акт, Теодор, например, неясно, является ли он результатом исторического падения, в котором, в Адаме, мы пали из морально хорошего состояния. Он, кажется, предполагает, что эта стадия является состоянием человечества с самого начала.

Если так, то спасение — это не восстановление падшего человечества в его изначальном состоянии, а «скорее, вот цитата из Фейрберна, возвышение человечества до совершенно нового состояния». Кроме того, в таком взгляде на спасение Божья благодать рассматривается как кооперативная, позволяющая людям достичь второй стадии, а Христос служит высшим примером Божьей благодати, действующей в нем. Жизнь Христа — это первая жизнь, которая переходит от первой ко второй стадии, и в результате исполнение им закона Моисея освободило нас от долга законодателя.

Его крещение дало нам образец благодати нашего крещения, его послушание было совершенным образцом жизни Евангелия, а его распятие и воскресение уничтожили главного врага, смерть, и показали нам новую бессмертную жизнь, цитируя Фейрберна. Таким образом, на языке Послания к Евреям 2:0, Христос

является архегосом , пионером и первопроходцем, который переходит на вторую стадию и открывает нам спасение. Именно по этой причине, наряду с убеждением, что логос не может страдать или умереть, Феодор и Несторий делают огромный акцент на человечности Христа и, таким образом, четко различают его божественность и человечность.

Для Нестория логос не участвовал в человеческих событиях жизни Иисуса. Резкое различие между божеством и человечеством во Христе приводит Феодора и Нестория к тому, чтобы рассматривать человечество Иисуса как независимого человека или субъекта, как если бы роль логоса заключалась в его сотрудничестве с действиями предполагаемого человека. Мальчик, христология — сложная штука, не так ли? Несомненно, Феодор и Несторий утверждают, что Христос совершенно уникален.

Пребывание Бога в нем не было в точности таким же, как его пребывание в нас. Иисус получил благодать и пребывание в полном смысле, поскольку он был полностью объединен с логосом. Он является как высшим примером благодати, так и уникальным случаем благодати.

Однако в Воплощении акцент делается на предполагаемом человеке, а союзы объясняют больше в терминах пребывания логоса, так что единая личность просороп во Христе является способом обозначения кооперативного единства между логосом и предполагаемым человеком с использованием названий, которые применимы к обоим. Фэрберн снова, Фэрберн заключает, что этот способ видения Христа подразумевает, что нельзя сделать вывод, что он, Несторий, видит единый личный субъект во Христе как логос или сына. Фактически, именно в этом пункте Кирилл и позднее Халкидонское определение находятся в прямом противоречии с Несторием.

Для православия личный субъект во Христе — вечный сын. Но для Нестория это некий составной. Это отчасти объясняет использование Несторием термина Христотокос , носитель Христа, вместо использования Кириллом и Халкидонитом термина Теотокос , носительница Бога, по отношению к Марии.

Учитывая трансцендентность логоса, две природы Христа и, что еще важнее, то, что личный субъект во Христе является составным союзом двух личных субъектов, логоса и человека, а не только божественного сына, Несторий отверг термин Theotokos . Для Нестория Мария несет только человечество Христа со своей собственной личностью. И поскольку логос как Бог отличен от человека, Theotokos должен быть отвергнут.

Кирилл, умерший в 444 году, с другой стороны, настаивал на Theotokos , вместе с Церковью Православной, потому что он был озабочен сохранением единства личности Христа и, вместе с Православием, рассматривал единый личный

субъект во Христе как вечного сына, а не составной союз двух личных субъектов, потому что личный субъект обеих природ есть сын, потому что ни одна природа не выражает себя иначе, как в союзе с сыном как активным субъектом каждой природы, и потому что все, что сказано об одной из природ, может быть сказано о нем как о сыне. Необходимо сказать, что Мария является Богоносицей в том смысле, что Иисус, рожденный Марией, является воплощенным сыном, а не просто человеком, в котором обитает логос. Theotokos, таким образом, на самом деле не был утверждением о Марии или возвышении Марии, чем-то в этом роде.

Богородица подчеркивает божественность Христа и тот факт, что личный субъект Христа — вечный сын, который теперь существует в двух природах. Она носила Бога во чреве своем. Никакой заслуги перед ней.

Благочестивая служанка, которую использовал Господь, мы должны уважать ее таким образом, даже чтить ее, но ничего похожего на поклонение или что-либо в этом роде. Мы чтим ее как благочестивую женщину. Мы можем чтить Иосифа как благочестивого человека, при условии, что ее часть была больше его, но тот, кого она носила во чреве своем, был Богом, а не просто Христом, как сказал Несторий, поскольку он отделил личность Христа от его человеческой природы.

По-видимому, с точки зрения человека, этот спор также повлек за собой дальнейшие выводы, отдельные от православия и несторианства. Например, в отношении вопроса о том, может ли Бог страдать, и Кирилл, и Несторий согласились, что Бог непреходим и неспособен страдать. Однако, в отличие от Феодора и Нестория, Кирилл утверждал, что Бог Сын, как активный субъект человеческой природы, способен жить полноценной человеческой жизнью и, таким образом, испытывать в этой человеческой природе страдания и смерть.

В известных словах Кирилла, Христос страдал бесстрастно, или, если быть точнее, сын бесстрастно принял страдания своей собственной человеческой природы. Кирилл не говорил, что произошло какое-либо изменение или умаление человеческой природы Христа, поскольку в воплощении сын принял полную человеческую природу в дополнение к своей божественной природе, но это подразумевало, что сын теперь способен жить божественной и человеческой жизнью. Отвержение церковью христологии Феодора и Нестория часто было отвратительным, как это видно из полемики Кирилла и Нестория, но это было необходимо.

Было бы лучше, если бы это не было отвратительно, но так оно и было. В конечном счете, на карту были поставлены два важнейших вопроса: во-первых, единство личности Христа.

Несторий просто не мог этого объяснить и вместо этого апеллировал к составному союзу двух личных субъектов, Логоса и человека. Но Писание не говорит, что человеческая природа Христа является независимой личностью, действующей в какой-то связи с божественным Логосом. Вместо этого Писание рисует последовательную картину единой личности, божественного сына, действующего как объединяющий субъект теперь в двух природах, что Халкидон будет решительно признавать.

Фактически, только когда мы утверждаем этот критический момент, мы можем избежать любого намека на адопционизм, чего Несторию было трудно избежать. Сын Божий не усыновлял человека. Человечество Иисуса никогда не существовало отдельно от своего начала в утробе Марии.

И мы увидим, как мы продолжим, следовательно, имел ли он безличную человечность? И это заслуга джентльмена по имени Леонтий Византийский, что мы увидим, за создание фразы безличный. Не было никакой ранее существующей человечности Христа, будь то как отдельный человек или некая сущность, кроме утробы Марии. Нет, с самой секунды сотворения его человечности в утробе Марии, она была объединена с Сыном, со Словом.

Следовательно, это никогда не было безличным. О, это было безличным в том смысле, что это была большая битва и терминология по этому поводу. Но мне не нравится эта безличная штука.

Но это правда. Это было безлично в том смысле, что не было отдельного человека. Хорошо, но это никогда не было по-настоящему безлично.

Он всегда был безличным и ипостасным, как мы увидим, в силу союза со Словом в утробе Марии. Вы поняли? Иисус не вселялся в человека или абстрактную человеческую природу. Его человеческая природа получила свою личность от союза со Словом в утробе Марии.

Итак, с самого начала человеческая природа была безличной в силу союза с вечным Сыном Божьим, который стал Богочеловеком. Также на карту была поставлена жизненно важная связь между христологией и сотериологией. В конечном счете, несторианские дебаты были о конкурирующих взглядах на Христа и спасение.

В резком контрасте с двухвековым пониманием Феодора и Нестория, Писание утверждает структуру творения-падения-искупления. Спасение требует большего, чем уникально благодатный человек, который служит примером и первопроходцем человечества. Оно требует того, кто есть Бог Сын.

Человеческая проблема серьезна. Мы стоим осужденными перед святым Богом вселенной. И единственное решение нашей опасности — если сам Бог будет действовать, чтобы спасти нас, чтобы удовлетворить свои собственные праведные требования.

Писание ясно. Троиственный Бог должен спасти, и только он один может это сделать. Спасение — это дело Бога, и только Бог Сын во плоти может искупить нас.

Нам не нужен просто человек, в котором обитает или который соединен с Богом Сыном в каком-то союзе. Нам нужен божественный Сын, принимающий нашу человеческую природу в свою собственную личность, чтобы он мог представлять нас и действовать от нашего имени как наш новый заветный глава и заместитель. Аминь.

Это доктор Роберт Петерсон и его учение о христологии. Это сессия 4, Патристическая христология, часть 3, Развитие, ложные пути, аполлинарианство и несторианство.